

Олеся Шайдук-Иммерман

Michael Fleming. Auschwitz, the Allies and Censorship of the Holocaust. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 418 pp. ISBN 978-1-107-06279-5.

Олеся Шайдук-Иммерман. Адрес для переписки: Department of Anthropology, Graduate Office, University of California, Berkeley, 232 Kroeber Hall, Berkeley, CA 94720–3710, USA. oshayduk@gmail.com.

Книга Майкла Флеминга является частью научного диалога о том, когда и что во время Второй мировой войны знали страны-союзники о политике Адольфа Гитлера в отношении евреев и конкретно о существовании и функциях концентрационного лагеря Освенцим, основного центра по «окончательному решению еврейского вопроса». Вопреки доминирующей теории, согласно которой его функция была неизвестна вплоть до июня 1944 года, Флеминг утверждает, что информация об истреблении была доступна для правительственных кругов уже в 1942 году и что ответственность за ограничение ее распространения для широкой публики лежит на британском и американском, а не на польском правительстве. С ноября 1942 по июнь 1944 года британская цензура заблокировала более тридцати пяти информационных сообщений, дошедших до Лондона, по причине недостоверности данных польской разведки. Между тем правительства союзников опирались на ее отчеты по другим вопросам, поэтому есть основания полагать, что правительственные круги знали о происходящем уже в ноябре 1942 года, однако препятствовали проникновению информации в общественный дискурс, так как боялись, с одной стороны, усиления давления общественности в пользу активных действий по спасению евреев, а с другой – усиления антисемитских настроений, связанных с переполнением реального и виртуального пространства еврейскими беженцами и еврейским вопросом соответственно. До недавних пор основным источником информации о политике Гитлера историки считали доклад Рудольфа Вербы-Альфреда Ветцлера, распространенный в средствах массовой информации в июне 1944-го года, однако Флеминг утверждает, что громкий эффект от публикации этого доклада связан не с новизной его содержания, а с возможностями сознания публики принять информацию вследствие готовности союзников к активным действиям (глава 6).

Книга состоит из введения (глава 1), пяти глав и заключения (глава 7). Во второй главе обсуждается значение американской и британской цензуры и самоцензуры в информировании населения о событиях в концлагерях. В третьей главе Флеминг изучает колебание в отношении к еврейскому меньшинству в Польше и польском правительстве в изгнании. Здесь интересен критический подход автора к восприятию западного режима эгалитаризма как безусловно положительного и польского режима национальной дифференциации – как безусловно отрицательного. Элементы антисемитизма действительно присутствовали в польском обществе и правительстве, однако абсолютная степень, в которую возвели его страны-

союзники (в том числе из-за своей выгоды), является обманчивой и отводит взгляд наблюдателя от предпосылок антисемитизма, скрытых в западном гражданском равноправии. В четвертой и пятой главах Флеминг прослеживает путь информационных сообщений из концентрационного лагеря через британскую и американскую разведку в правительство Великобритании и оттуда в средства массовой информации, сопоставляя, какая именно информация в разные моменты была известна польскому правительству в изгнании и западной публике. Если в начале войны концлагерь понимался и поляками, и западной публикой как тюрьма для поляков, а далее об истреблении знали, возможно, только поляки, то после лета 1942 года о массовом истреблении евреев стало известно и правительствам стран-союзников, однако эта информация не появилась в публичном дискурсе. И если для военного периода до марта 1943 года нет точного ответа, на каком этапе «застривала» информация, то начиная с этого момента, как считает Флеминг, ответственность полностью лежит на британском правительстве, цензуре и средствах массовой информации.

Цензура осуществлялась по-разному. Флеминг отмечает, что обычно большее внимание уделяется жесткой цензуре, при которой информация исключается из публичной циркуляции. Мягкая цензура или самоцензура менее заметны и функционируют через дискурсы, которые усваивают все социальные акторы – каждый знает, где и как можно/своевременно/уместно говорить. Эта цензура зачастую осуществляется неосознанно на уровне здравого смысла, она не подвергается критике. Здравым смыслом в Англии сороковых годов было считать еврея гражданином Англии еврейского происхождения, что, с одной стороны, утверждало равные права евреев со всеми другими гражданами, а с другой – предполагало искоренение любых значительных отличий во внешнем виде и практиках. Акцент на еврейском аспекте трагедии Второй мировой войны с последующим принятием беженцев без ограничения считался триггером антисемитизма, поэтому средства массовой информации не выделяли новости о лагерях как значительные информационные события. В США распространенным был дискурс, основной тезис которого можно передать как «страдают не только евреи» – обсуждение массового убийства евреев воспринималось как отсутствие полноты понимания проблемы нацизма. Ограничение этой информации происходило не только из-за отсутствия публикаций, но и из-за самого способа освещения этих событий в средствах массовой информации, представлявшего экстерминацию евреев как рутинный и не особенно значимый процесс. Например, статьи помещали в середине выпуска, а не на передовице.

Анализ дискурсивного контекста кажется мне чрезвычайно полезным в изучении циркуляции знания в обществе, и здесь, как мы видим, Флеминг делает ряд интересных наблюдений. Однако, понимая цензуру как исключительно ограничивающий инструмент, Флеминг оценивает дискурсы как правильный и неправильный, где правильный – это современный западный дискурс, выделяющий еврейскую трагедию как главный итог Второй мировой войны. В то время как западный нарратив формируется вокруг Холокоста, нарратив бывшего социалистического блока сфокусирован на жертвах Красной армии как основной физической силе,

противостоявшей фашизму, а в нарративе, например, балтийских стран, акцентирована равнозначность зла, совершаемого нацистами и коммунистами-колонизаторами по отношению к этим странам (Kattago 2009). Эти нарративы сформированы не только политической ситуацией, в которой они зародились, но и наиболее значимыми для данного сообщества опытами. В контекстуализации Холокоста в рамках Второй мировой войны, в которой погибло – в зависимости от способа подсчета – от 50 до 80 миллионов людей, то есть 3% населения Земли, Флеминг видит преимущественно намеренное замалчивание информации элитами, которым педалирование еврейского аспекта было политически невыгодно. В то же время другие исследователи показывают, что рутинизация знания о массовом истреблении евреев может быть связана и с определенным восприятием всех проектов нацистской Германии как наивысшего проявления зла, будь то зло, направленное конкретно на евреев, или зло, направленное на весь внешний мир (Novik 1999). Флеминг исходит из того, что такой нарратив – отклонение от нормы; для него альтернативные дискурсы – всего лишь результат подавления «правильного». И если информация о концентрационных лагерях помещена в середине газеты, то Флеминг видит в этом только непонимание или намеренное замалчивание ситуации, но не специфику мышления, в то время как исследования по социальным наукам предлагают более сложное понимание цензуры, такое, например, как в работе Джудит Батлер о ее продуктивной силе (Butler 1997).

Ответ на вопрос, когда миру стала доступна информация об истреблении евреев в концентрационных лагерях, связан не только с наведением порядка в исторической дисциплине, но и с легитимностью и успехом различных политических проектов. Имеет ли Израиль право на существование как еврейское национальное государство, вправе ли кто-то требовать его денационализации, имеют ли западные страны моральное превосходство над социалистическими, кто в долгу у еврейского сообщества, помимо Германии – страны-союзники или поляки? Очевидно, что для Флеминга наиболее значимым из этих вопросов является вопрос польско-еврейских взаимоотношений, которые обостряются в свете прежде господствовавшей теории о том, что польское правительство в изгнании скрывало информацию о массовом уничтожении евреев в концентрационных лагерях. Вина союзников состоит не только в том, что они знали, что происходит, и не помогли европейским евреям, но и в том, что они обвинили поляков в сокрытии информации. Размышляя по поводу мифа о недостоверности информации польской разведки, Флеминг задается интересным вопросом: почему этот миф так долго удовлетворял историков и почему никто не пытался подробно проследить судьбу сообщений польской разведки. Замалчивание новостей о массовом убийстве евреев автоматически объяснялось антиеврейскими настроениями польского правительства и не подвергалось критике. Флеминг предлагает несколько объяснений, однако столь же важным кажется неупомянутый факт, что историки, изучавшие данный вопрос, находились внутри западного дискурса, сформированного Холодной войной (об этом дискурсе см. Hann, Humphrey, and Verdery 2002; Verdery 1996; Yurchak 2006). В соответствии с этой логикой Англия и США по определению не могут быть соучастниками или даже пассивными наблюдателями пре-

ступления. Либеральные капиталистические страны не преследуют национальные меньшинства, в то время как вину поляков с их многолетней историей антисемитизма помыслить легко. Вплетение этой академической дискуссии могло бы усложнить и исследовательский вопрос самого автора о том, что и когда знали страны-союзники о политике Гитлера в отношении евреев. Что подразумевает его вопрос, если задать его полностью? Холокост сегодня представляет собой предел зла, по отношению к которому измеряются все остальные примеры жестокости и нарушения либеральных ценностей (Brown 2008; Novick 1999). Сильный наблюдатель, который видит эту жестокость и не защищает жертву, становится соучастником жестокости. Почему Англия и США не помогли европейским евреям? Они не знали о происходящем или знали и соучаствовали через недеяние? Флеминг находит сильные эмпирические доказательства в пользу того, что союзники знали, но скрывали знание и более того – чтобы обелить себя, обвиняли правительство Польши в сокрытии данных. Правительства стран-союзников хладнокровно игнорировали невыгодные для политической стабильности новости, при этом на международной арене поддерживая образ защитника либеральных ценностей и блюстителя справедливости. Какой же парадокс пытается разгадать автор? В режиме какой правды этот образ воспринимается как сущность? В контексте имеющих в социальных науках критических исследований по темам колониализма, расизма и религиозной неприязни, основанных на материале либеральных и американского, и британского общества, такой исследовательский вопрос удивляет. Очевидно, что жестокость может осуществляться под любыми знаменами: религия, секуляризм, свобода. И, напротив, никакое глобально-политическое «добро» не осуществляется без выгоды субъекта «добра». Вопрос автора означает, что он и историки, которых он критикует, мыслят в одной теоретической перспективе. Флеминг продельывает впечатляющую работу с архивными материалами, изящно выстраивает текст и в исследовательском поле Holocaust studies его подход нов (что очевидно и из обзора литературы), однако в контексте общего социального знания автор затрагивает, но не развивает потенциально интересные теоретические аспекты, открывающие новую аналитическую перспективу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Brown, Wendy. 2008. "Tolerance as Museum Object." Pp. 107–148 in *Regulating Aversion: Tolerance in the Age of Identity and Empire*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Butler, Judith. 1997. *Excitable Speech: A Politics of the Performative*. New York: Routledge.
- Hann, Chris, Caroline Humphrey, and Katherine Verdery. 2002. "Post-Socialism as a Topic of Anthropological Investigation." Pp. 1–28 in *Postsocialism: Ideals, Ideologies, and Practices in Eurasia*, edited by Chris Hann. New York: Routledge.
- Kattago, Siobhan. 2009. "Agreeing to Disagree on the Legacy of Recent History: Memory, Pluralism, and Europe after 1989." *European Journal of Social Theory* 12(3):375–395.
- Novick, Peter. 2000. *The Holocaust in American Life*. Boston: Houghton Mifflin.
- Verdery, Katherine. 1996. *What Was Socialism, and What Comes Next?* Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Yurchak, Alexei. 2006. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, NJ: Princeton University Press.